Ранняя история Восточного Приазовья

А.Н. Масловский

СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ ПРИАЗОВЬЕ В VIII-XV ВВ.

В исторической науке зачастую степи Восточной Европы эпохи средневековья рассматриваются как регион, где безраздельно господствовали кочевники. Между тем в Северо-Восточном Приазовье археологические памятники кочевников достаточно малочисленны. Микрорегион, включающий в себя долины рек Кагальник и Мокрая Чубурка, устье Дона и юго-восточное побережье Таганрогского залива в эпоху средневековья дважды переживал периоды интенсивного развития оседлой жизни. Оба раза это было связано с существованием на территории степи крупных государственных образований и после их гибели оседлая жизнь здесь практически прекращалась. В VIII-сер.X вв. таким государством был Хазарский каганат. В сер. XIII-XV вв. развитие оседлости обуславливалось вхождением его в состав Золотой Орды, где он стал частью округи крупного провинциального города Азака. После гибели Золотой Орды оседлая жизнь за пределами Азовской крепости получила возможности для развития только в конце XVIII в. после присоединения этих земель к России.

На настоящий момент известны уже многие десятки поселений этого периода и их число ежегодно растёт. Это, однако, не говорит о хорошей изученности района. Практически все эти поселения известны исключительно по материалам сборов, зачастую однократных. Шурфовки были сделаны только на поселениях Новомаргаритовское, Платоно-Петровское, Узяк и Узяк 3. На территории поселения Узяк исследовался грунтовый могильник XII-XIII вв., единичные грунтовые погребения были раскопаны на могильнике Чумбур-коса, на территории с. Павло-Очаково и Кагальник известны и отдельные погребения этого периода в курганах. Такая малая степень изученности тем более огорчительна, что большая часть поселений на морском побережье и в устье Дона за последние десятилетия очень сильно пострадала от береговой эрозии и в ближайшие 10-20 лет будут уничтожены практически окончательно.

В научный оборот материалы этих поселений введены очень слабо [1-2]. Особенно это заметно при сопоставлении с памятниками Северного побережья Таганрогского залива [3-4]. Между тем, несмотря на малочисленность имеющихся материалов их анализ не только возможен, но и в настоящее время совершенно необходим.

Прежде всего, следует остановиться на особенностях топографического местоположения поселений. На побережье моря поселения располагались рядом с устьями всех балок, по которым был возможен спуск к морю. Даже если в настоящее время в результате береговой эрозии спуск по ним стал невозможен, тем не менее, и вдоль этих балок могут быть обнаружены остатки средневековых поселений. Особняком здесь стоит центральная часть Новомаргаритовского поселения, расположенная на небольшом всхолмлении вытянутом вдоль берега моря между руслами Мокрой Чубурки и Сухой Чубурки. С напольной стороны она окружена заболоченными участками.

В устье Дона поселения можно найти практически на любом участке вдоль берега, который возвышается над современным руслом реки Дон хотя бы на 1 м и даже ниже. Ясно, что при сильных паводках или сильных нагонных наводнениях их территория должна была затопляться. Часть из этих поселений, вероятно, была сезонными, но находка на одном из них (Узяк) грунтового могильника показывает, что низменное местоположение не было непреодолимым препятствием для их жителей.

Весьма густо были заселены берега долины Кагальника. Большинство поселений расположено в нижней части берегового склона, совсем рядом с границей поймы, однако из этого правила есть исключения. Поселения отсутствуют только на участках с очень низким и пологим береговым склоном, как например, между селами Петровка и Платоно-Петровка или с высоким обрывистым, а также слишком крутым береговым склоном, как например, между селами Мило-Яковлевка и Высочино. Также весьма плотно была, видимо, заселена долина Мокрой Чубурки. Однако она исследована значительно хуже.

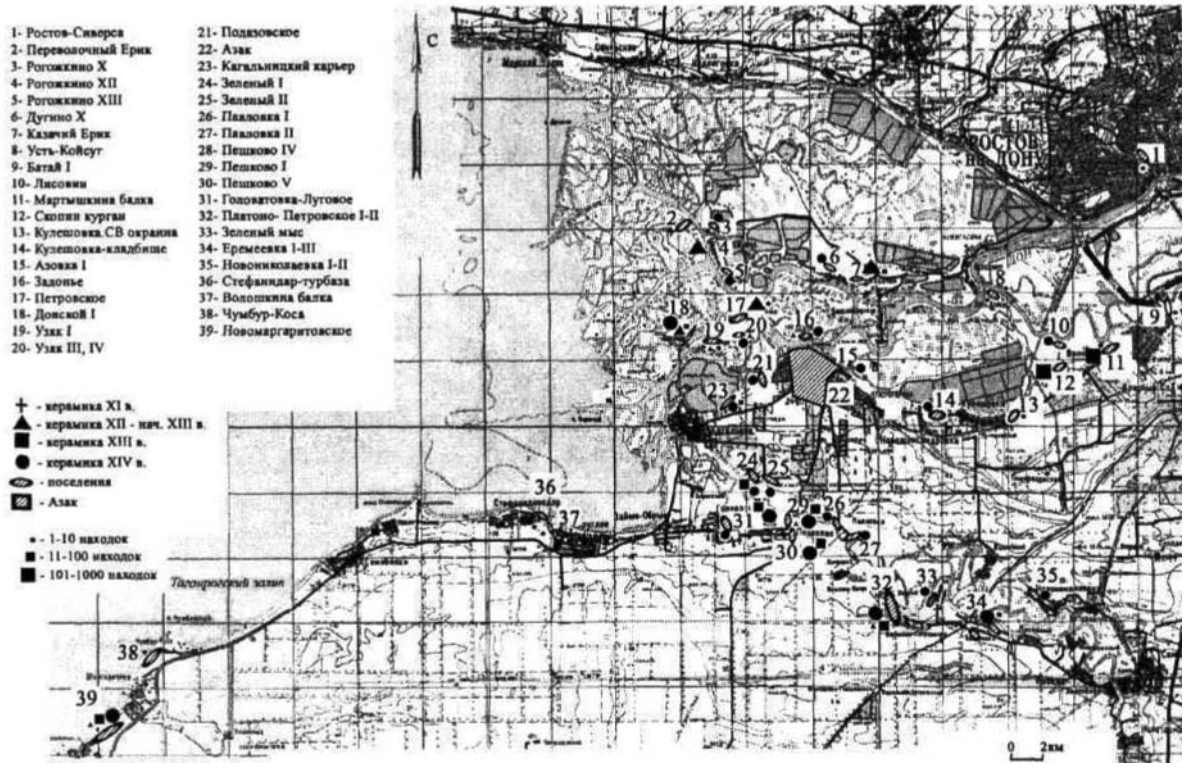

Рис. Схема расположения важнейших объектов археологических исследований и характерные типы артефактов

Поселения двух хронологических периодов VIII-X и XIII-XIV вв. очень существенно отличаются друг от друга практически по всем признаках. И далее их следует рассмотреть отдельно.

В VIII-X вв. весь исследуемый район был сплошь покрыт густой сетью поселений, преимущественно мелких. Это наиболее многочисленная группа памятников археологии на территории Азовского района в целом. Их настолько много, что это даже делает затруднительным их картографирование. В любом месте на побережье, где скот мог спуститься к воде, можно найти фрагменты керамики этого времени. В пределах дельты Дона поселение есть на каждом самом небольшом возвышении. Находки есть даже на о. Джулька на самой границе моря и дельты реки. В долине Кагальника поселения фиксируются практически через 1-2 км, а иногда и чаще. Также многочисленны они в долине Мокрой Чубурки. Есть они и на высоких участках водоразделов и в отделении от моря на склонах крупных балок, таких как, например, Грекова Чубурка. Они известны достаточно давно. Значительная их часть стала известна в результате разведок С.А. Плетневой.

С лёгкой руки Светланы Александровны за памятниками подобного типа закрепилось названия «обитаемая полоса» [5, с.15, 195]. В рассматриваемом районе ею было выделено три таких «обитаемых полосы» - Новомаргаритовка, Семибалка, Стефанидин Дар. В её интерпретации данные памятники – это остатки сезонных кочевий. Поскольку места стойбищ не были строго фиксированными, а незначительно изменялись год от года, в результате и образовывались большие по площади памятники с очень немногочисленным подъёмным материалом, встречающимся сплошь, без каких либо интервалов. Для памятников такого типа, по мнению С.А. Плетнёвой, характерно отсутствие культурного слоя и незначительное число находок. Кочевники приходили сюда на сезон с апреля по июнь. В это время степь здесь богата кормами и в это же время происходит нерест рыбы, которая подходит в это время близко к берегу. Таким образом, по мнению С.А. Плетневой, в хозяйстве кочевников обитавших в Приазовье сочетался выпас скота и лов красной рыбы.

Особо ею было выделено кочевье у Чумбурской косы, которую она смешивает с устьем реки Чумбурки, хотя между ними достаточно значительное расстояние. По её мнению, это наиболее длительное время функционирования кочевья. По её данным, здесь есть материалы с VI по X вв. Но слой не зафиксирован ею и здесь.

Такая концепция не может не вызвать ряд возражений. Во-первых, наблюдений и материалов, полученных в ходе однократных разведок, явно недостаточно для установления характера памятников. Многолетние наблюдения показывают, что например на Новомаргаритовском поселении есть и культурный слой, и значительно число хозяйственных ям этого периода. Неясно, как можно без вскрытия раскопками значительных площадей определить характер построек.

Во-вторых, нельзя говорить об отсутствии интервалов в распределении находок. Границы отдельных памятников можно всё же установить достаточно чётко. В-третьих, как правило, на этих же памятниках присутствуют слои и других хронологических периодов, а кости рыб не столь уж многочисленны. Установить взаимосвязь их именно с поселениями VIII-X вв. путём простых разведок достаточно проблематично.

В-четвертых, есть масса письменных и этнографических данных относительно того, что кочевники рыбу не ловили и в пищу не употребляли. Для средневековых кочевников Восточной Европы пусть и более позднего периода это засвидетельствовал В. Рубрук (сер.XIII в.): «…мы переправлялись через много рек, весьма красивых и богатых рыбою, но Татары не умеют её ловить и не заботятся о рыбе, если она не настолько велика, что они могут, есть её мясо, как мясо барана» [6, с.109].

В-пятых, лов красной, да и любой рыбы в Азовском море требовал определённых специальных навыков и инвентаря. Появление подобной специализации означало собственно, переход от кочевого скотоводства к ведению комплексного хозяйства. И такие племена кочевниками уже названы быть не могут. Тем более, что рыболовство само по себе могло привести к выделению значительных групп осёдлого населения.

В-шестых, при всех оговорках, кочевое скотоводство было хозяйством полностью натуральным. Это собственно хорошо заметно по материалах кочевнических погребений VII-X вв. Нижнего Подонья. Возможности вовлечения его в торговлю были очень ограничены. Между тем, фрагменты импортных винных амфор составляют абсолютное большинство находок относящихся к VIII-X вв., причём встречаются они чаще амфор всех других хронологических периодов, вместе взятых. Масштабы этой торговли просто поражают. Даже в золотоордынский период такого обилия амфорной керамики мы не встречаем. Ясно, что единственным товарным эквивалентом, который бы позволил обеспечить поступление такого количества вина в наш регион, была рыба. Это собственно уже отмечалось исследователями [7]. Такая степень вовлечения населения в процессы обмена также затрудняет отнесение его к числу кочевников.

Уже из этого перечня ясно, что многие вопросы для своего решения требуют более детальных исследований, в т.ч. масштабных раскопочных работ.

Какие же материалы дают поселения Восточного Приазовья VIII-X вв.? Как уже было сказано, абсолютное большинство находок относится к фрагментам амфор. По подсчётам С.А. Плетневой они составляют около 70%. Лепная керамика около 20%. Круговая кухонная и круговая столовая соответственно по 5%. По результатам наших наблюдений эта усреднённая картина нуждается в корректировке. На большинстве мелких поселений, которые составляют абсолютное большинство памятников доля амфорной керамики ещё выше.

На наиболее крупных поселениях этого времени, на окраине с. Новониколаевка и Новомаргаритовском поселении, материалы гораздо разнообразнее. Оба эти поселения явно не относятся к числу кочевий. Естественно, дать классификацию материалов по мелких фрагментам из сборов невозможно. Встречены лепные кухонные горшки и котлы с внутренними ушками. Наряду с круговыми кухонными горшками, встречены крупные тарные круговые горшки. Серолощённая керамика крайне редка. Одной из заметных категорий находок, особенно на памятниках дельты Дона, являются дисковидные грузики диаметром 2,5-6,0 см, выточенные с разной степенью тщательности из стенок амфор. Поскольку трудно допустить, чтобы именно на памятниках дельты Дона прядение достигло небывалого развития, по крайней мере, часть из этих грузиков, возможно, является не пряслицами, а рыболовными грузиками.

Ни одно из поселений за пределами дельты Дона раскопкам не подвергалось. На поселении Рогожкино-XIII был исследован по своему уникальный культовый комплекс и юртообразное жилище. Известно несколько одиночных грунтовых и подкурганных погребений. Одно из них, погребение всадника, исследовано на территории с. Кагальник. Исследовалось также несколько небольших грунтовых могильников (Рогожкино-XIII, Дугино-X).

Как мне кажется, наблюдения и выводы о памятниках этого периода должны быть сформулированы осторожно. 1. Данный микрорегион в пределах Хазарского каганата был явно захолустьем. 2. Круговая гончарная керамика очень малочисленна и разнородна. Это говорит о том, что здесь не было гончарных мастерских. А их существование очень важный индикатор развития оседлой жизни. 3. Хозяйство населения здесь обитавшего было наверняка комплексным, с преобладанием животноводства. 4. О занятии рыболовством данные в основном косвенные.

С сер.X до нач.XII вв. в истории изучаемого района наступает тёмное время. Оседлость сходит почти на нет. Единственным поселением начала этого периода является Переволочный Ерик (рис.1), где найдена также надгробная плита с иудейской символикой и надписью. К этому же периоду относятся археологические памятники, связанные с огузами. От них осталось несколько погребений в дельте и на побережье моря (ПБМ 10-1976, п.4; Терны, п.1; Бубнов Ерик IV, п.1; Павло-Очаково (2006 г.), и др.). Некоторые из них имеют достаточно богатый инвентарь. Исследовано и небольшое огузское поселение Рогожкино XII, которое датируется 2 пол.XI-1 пол. XII вв. Известно, что в состав огузского объединения входили племена, которые вели комплексное хозяйство и сочетали рыболовство, скотоводство и земледелие. Вероятно, именно присутствие огузов облегчило новое появление оседлых поселений в XII в.

К сер.XII в. в Северо-Восточном Приазовье появляется сеть рыбацких деревушек, существовавших до монгольского нашествия (Казачий Ерик, Задонье, Петровский, Донской I, Узяк 1, Новомаргаритовское, Кобяково, Натальевка, Самбек) (рис.1). Большинство из них расположено в дельте Дона. Население их было смешанным. Среди них были и потомки жителей Хазарского каганата и пришлое русское население и, очевидно, огузы. Самым крупным из поселений является Казачий Ерик. Высказано предположение о появлении этих поселений в результате переселении сюда населения с Таманского полуострова с территории бывшего Тмутараканского княжества [1, с.109]. Сама топография поселений указывает на то, что основным занятием населения является рыболовство. Уже в сер. XII в. византийский писатель Евстафий Солунский упоминает в числе деликатесов «рыбью икру происходившую из северных областей, главным же образом с Танаиса» [8, с.42-43]. В связи с этой группой поселений в литературе вновь поднята сложная проблема локализации города Русия, упоминаемого в различных источниках [1, с.114-115, 119-125].

На поселениях исследованы землянки и полуземлянки с глинобитными печами. Для материалов этих поселений характерно абсолютное преобладание византийских винных амфор, привезенных из разных центров. Встречены также тарные кувшины, привезённые из района Херсонеса. Единичными фрагментами представлена византийская поливная посуда. Посудная керамика представлена как керамикой, проявляющей черты преемственности с гончарным производством салтовской культуры VIII-X вв., так и керамикой древнерусской по происхождению. Причём значительная часть последней изготовлена непосредственно на территории данного региона. Остальные категории находок весьма немногочисленны. Встречены стеклянные браслеты, бусы, единичные украшения из металла.

Вопреки бытующему мнению, число памятников, связанных с половцами на территории Северо-Восточного Приазовья, невелико. Известно всего около десятка погребений и одно святилище (Кугейская падь II). Несколько изваяний, хранящихся в Азовском музее, не имеют паспортов, и нет уверенности, что они происходят именно из этого района.

Подлинный расцвет оседлости начинается короткое время спустя после монгольского завоевания. С сер. XIII в. на морском побережье, в долине Кагальника, в Низовьях Дона начинает формироваться целая сеть поселений, большинство из которых существует в дальнейшем на протяжении всего XIV в. (рис.). Их безусловным центром является Азак. Рассматриваемый регион с полным правом можно считать его сельской округой. Наиболее крупные из известных на настоящий день сельских поселений следующие: Платоно-Петровское, Пешково, Зелёный,

Донской 1, Новомаргаритовское. Ещё одно крупное поселение существовало на территории с. Кагальник. К сожалению, для исследователей оно практически недоступно. Всего на настоящий момент их известно около 60. Особенно густо была заселена долина Кагальника. Здесь поселения находятся на расстоянии 1-3 км друг от друга.

Для золотоордынской эпохи количество письменных источников резко увеличивается по сравнению с предшествующими эпохами. Но это увеличение относительно. Практически все они относятся к Азаку (Тане). Вместе с тем в них нашла отражение информация и о мелких портах Северного и Восточного побережья Азовского моря, как в словесных описаниях, так и на картах-портоланах. Одним из самых важных является свидетельство Рубрука, датируемое 1253 г. «…море… нигде не имеющее глубины свыше шести шагов (пассов); поэтому большие корабли не входят в него, а купцы из Константинополя, приставая к вышеупомянутому городу Матрике, посылают свои лодки (barcas) до реки Танаида, чтобы закупить сушеной рыбы, именно осетров, чебаков и других рыб в беспредельном количестве» [6, с.89]. Перечень портов Приазовья дан в Тосканском Анониме и в сочинении Ф. Пеголотти.

Известно примерно 200 портоланов (мореходных карт) XIII-XV вв. с изображением Азовского моря. Опубликован монографический анализ [9]. Однако при изучении портоланов существуют большие сложности. При примерно одинаковом перечне пунктов существует очень большое разнообразие их написания и определенные расхождения в их местоположении на картах. Из-за несогласованности исследований историков, изучающих письменные источники, и археологов общепринятой и обоснованной локализации большинства пунктов нет.

Достаточно уверенно можно утверждать, что одним из таких портов, который значился на картах как Закария, было Новомаргаритовское поселение [1, с.109]. Где то здесь в устье Дона находился топоним Magromixi. Между Таной и Закарией иногда помещали топоним Casale li Rossi, Casal Delirosy, Casar di Rossi. Для этих двух топонимов надёжной локализации не существует.

Однако к этой скудной информации следует добавить данные, полученные при анализе источников, относящихся к самому Азаку (Тане). В 3 чет.XIII в. здесь возникает крупный портовый и промышленный город Азак, впервые упоминаемый в письменных источниках в 1269 и 1271 гг. Помимо транзитной торговли, через него шла на экспорт и продукция нашего региона - кожи, зерно, рыба [10, с.110]. Причём масштабы этого экспорта по меркам того времени были впечатляющими. Для вывоза зерна и рыбы использовался не только порт самого Азака, который имел определенные ограничения в пропускной способности, но и несколько пунктов на берегу моря [8, с.52], которые выступали как место концентрации и складирования товаров [10, с.101].

Начиная с Ф. Пеголотти, все источники называют икру и балыки осетровых рыб одним из главных, если не самым главным среди экспортных продуктов. Большая часть торговых сделок с рыбой заключалась в апреле-июне [10, с.122]. Весной и осенью в Тане работали специальные рыбные ярмарки. По некоторым подсчётам только в 1290 г. через Кафу было вывезено от 3149 до 3793 тонн осетрины, добытой в Низовьях Дона и устье Кубани, и, вероятно, в небольшой степени в Каспии [10, с.123]. Основная её часть шла на вывоз в порты Черного и Эгейского моря. При этом цены на осетрину были достаточно низкими, рыбина в 16-19 кг стоила менее 1 аспра.

Из Таны вывозили также воск [10, с.129] и, по данным Тосканского Анонима, шкуры конские и бычьи, сало кусками [10, с.149].

Помимо вывоза продовольствия морем сам Азак был крупным потребителем сельхозпродукции и нуждался в рынке сбыта для своей продукции. Поэтому неудивительно, что в его округе возникают многие десятки поселений. Именно они, очевидно, были зерновой житницей Азака.

Кроме того, на многих из них существовали ремёсла, прежде всего гончарное. Лучше всего изучено на настоящее время гончарное производство на Платоно-Петровском поселении, которое является одновременно наиболее мощным среди сельских гончарных производств округи Азака. Генетически оно родственно гончарному производству самого Азака. Здесь также производили керамику в традициях восходящих к временам салтовской культуры. Сосуды изготавливали при помощи спирального налепа с последующим использованием круга для заглаживания поверхности и частичной профилировки. Поверхность большинства сосудов

покрывалась лощением. Основу ассортимента составляли кувшины, кухонные горшки с ручкой и корчаги. На самом Платоно-Петровском поселении продукция местных гончаров составляла примерно 65%. Она есть и в самом Азаке и на многих других поселениях округи, доходя до Новомаргаритовского поселения. Встречена она даже на удалённых поселениях Правобережья Дона.

На остальных поселениях местная гончарная продукция значительно малочисленнее и заметно уступает продукции городских гончаров Азака, которая преобладает на всех сельских памятниках, включая достаточно удалённое Новомаргаритовское поселение. Таким образом, округа Азака была ёмким рынком сбыта продукции городских гончаров. Вместе с тем, между отдельными сельскими поселениями также существовал обмен керамикой местных мастерских. В дальнейшем, при накоплении значительных объёмов материала можно будет проследить степень связности отдельных поселений между собой и с Азаком. В настоящее время это делается исключительно при помощи математических моделей.

На Платоно-Петровском поселении встречены также следы обработки цветных металлов. Учитывая размеры этого поселения и наличие здесь следов как минимум двух видов ремёсел, можно говорить о существовании здесь небольшого городского центра. Очень важными представляются находки на поселениях медных золотоордынских монет - пулов. Если серебряные монеты могли служить средством накопления, то медные говорят о вовлечении жителей сельских поселений в сферу товарно-денежных отношений. Ведь по сообщению Ф. Пеголотти, они использовались только в сфере мелкой городской торговли. На настоящее время медные пулы найдены на поселениях Новомаргаритовское, Платоно-Петровское, Береговое, Кагальник, Донской, а также в грунтовых погребениях у с. Кагальник, х. Рогожкино, Дугино, Колузаево, Подазовском.

О широком вовлечении жителей района в рыночную торговлю свидетельствует и большое количество импортной керамики на поселениях, что указывает также на достаточно высокий имущественный достаток населения. Хотя конечно он и был несколько ниже городского, тем не менее, на поселениях в большом количестве встречены не только фрагменты винных амфор из Трапезунда, но и фрагменты пифосов с более дорогим критским вином, и амфор в которых перевозилось оливковое масло, и поливной столовой керамики производства не только Азака, но и Юго-Восточного Крыма, Византии и Нижнего Поволжья. Единичными фрагментами представлена керамика ещё более удалённых центров, даже Хорезма.

В целом же, как уже было сказано выше, керамический комплекс поселений, за исключением Платоно-Петровского, состоит более чем на половину из продукции гончаров Азака и представлен соответственно теме же формами сосудов – кувшинами, корчагами, горшками с ручкой, тазами, кубурами, дигирами, амфорами.

На двух последних формах стоит остановиться подробнее. Их фрагменты в процентном отношении находятся на сельских памятниках намного чаще и регулярнее, чем на территории самого Азака.

Дигирные сосуды имели достаточно узкое предназначение. Их привязывали за ножку к водоподъемному колесу, которое использовалось в поливном земледелии. Для использования в каких-либо других целях сосуды эти не подходили. На настоящий момент их фрагменты найдены практически на всех поселениях, за исключением приморских, с которых собраны сколь-нибудь значительные по объему коллекции. На поселении Узяк 3 в устье Дона они вообще составляют большую часть находок керамики XIV в. Сложно представить, что поливное земледелие получило столь большое развитие в землях, где до этого вообще не существовало оседлого земледелия, тем не менее, других объяснений факту частых находок дигирных сосудов на сельских памятниках нет.

Амфоры - сосуды также достаточно узкого функционального назначения. Они предназначались для перевозки жидких, сыпучих или вязких товаров морем. Само производство их в Азаке, где не было товарного виноделия или маслоделия, особенно ориентированного на заморскую торговлю, заслуживает особого внимания. Единственным экспортным товаром Азака упоминаемым в письменных источниках, подходящим для перевозки в амфорах была

рыбная икра. Естественно предположение о том, что амфоры служили для перевозки икры, уже высказано в литературе [11, с.58]. С этим нельзя не согласиться. Интересно отметить следующий примечательный факт. Икру продавали кантарами равными 47,5 кг [11, с.61]. Среди наиболее распространённых в Азаке стандартов составляли амфоры объемом 4,75 л, т.е. примерно 1/10 часть кантара [12, с.317, 319]. Ясно, что хотя торговля рыбой шла через Тану, но заготовляли её в основном вне его пределов. Поэтому нет ничего удивительного, что на всех поселениях в устье Дона и на морском побережье амфоры представлены в значительном количестве даже в небольших по объему коллекциях. Амфоры встречены также и на поселениях долины Кагальника, что, на мой взгляд, менее понятно.

На настоящее время выделяется 4 центра округи золотоордынского Азака. 1) Платоно-Петровское поселение, которое было центром поселений долины Кагальника, 2) Новомаргаритовское поселение порт Zacaria итальянских портоланов, к которому, вероятно, тяготели некоторые приморские поселения. 3) Поселение Донской 1 самое крупное рыболовецкое поселение дельты Дона. 4) Практически неизвестное нам поселение на территории современного с. Кагальник. Сюда в устье Кагальника должны были речными барками свозить зерно из поселений его долины. Кроме того, в XIV в. устье Дона подчас было слишком мелководно для захода крупных морских судов и они останавливались у входа в реку, где и осуществлялась их погрузка и выгрузка. Возможно, с этими двумя последними поселениями связаны два загадочных топонима итальянских карт - Magromixi и Casale li Rossi.

Обращает на себя внимание то, что число кочевнических погребений XIII-XIV вв. в рассматриваемом микрорегионе очень невелико. Известно лишь около десятка одиночных подкурганных и грунтовых погребений. Причём расположены они на периферии данной территории. То есть оседлый образ жизни в золотоордынский период здесь абсолютно господствовал.

Поход Тимура в 1395 г. стал подлинной катастрофой не только для Таны, но и для его округи. Путь войск Тимура из Азака на Кубань шел параллельно берегу моря. По мнению Е.И. Нарожного, Тимур целенаправленно уничтожал приморские поселения. Целью похода был подрыв экономической базы Золотой Орды, и уничтожение поселений, обеспечивающих выгодную экспортную торговлю. О том, что поселения округи Азака погибли в 1395 г., говорит и клад, найденный на территории Платоно-Петровского поселения.

В XV в. ситуация в регионе резко меняется. Для оседлой жизни практически не остаётся шансов уцелеть. За стенами венецианского замка Таны продолжали жить купцы и ремесленники, но за пределами стен жить было очень опасно. Для иллюстрации этого достаточно двух эпизодов из сочинений венецианца И. Барбаро. Он, описывая двукратный проход орды мимо Таны, говорит о двукратном тотальном разграблении рыболовецких тоней, принадлежавших купцам Таны [13, с.144, 151]. И это притом, что город, в тот период, находился с ордой в мире, а ведь были и вооружённые конфликты. Под самым городом появлялись банды черкесов грабивших окрестности города [13, с.147]. Тем не менее, какая-то жизнь за пределами стен всё же продолжалась. Об этом говорит Барбаро, упоминая рыболовецкие тони в местности Бозагаза, находившейся на значительном удалении от Азака [13, с.144, 151]. Ясно, что не все рыбаки могли укрыться за городскими стенами. О сохранении, каких то рыбацких деревушек в регионе говорит и клад начала XV в., найденный на территории х. Рогожкино [14]. Возможно продолжалась жизнь на поселении Донское. Более того, именно в XV в. появляется специфическое название Азовского моря - Забакское море [13, с.137, 141 и др.]. По мнению Е. Скржинской, название моря происходит от диалектного слова чебак [13, с.165; 14, с.152]. Письменные источники содержат и скудную информацию об организации рыбного промысла. Существовали тони – пескьеры, принадлежавшие отдельным купцам. Причем в одной местности находились тони нескольких купцов. Права собственности на отдельные пескьеры в устье Дона в XV в. приобретали и кафинские купцы [10, с.124]. Трудившиеся здесь рыбаки были, очевидно, наёмными работниками. Здесь же на тонях находились и мельницы для размола соли, упоминаемые Барбаро [13, с.144].

После турецкого завоевания в 1475 г. полного исчезновения оседлой жизни в регионе не произошло. По-прежнему существовали отдельные рыбацкие деревушки. Но хотя сохранилось

много письменных источников относительно регламентации рыбного промысла в турецкую эпоху, археологически памятники этого периода совершенно не изучены.

Библиографический список и примечания

1. Волков И.В. Поселения Приазовья в XII-XIII веках. В сб.: Русь в XIII веке. Древности тёмного времени. М. 2003. С.108-130.

2. Масловский А.Н. О сельской округе Азака (к постановке проблемы). В сб.: Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Донские древности. Вып.10. Азов. 2009. С.321-339.

3. Волков И.В. Поливная керамика комплекса Кабарди (1240-1260). В сб.: Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев. 2005. С.122-159.

4. Ларенок В.А. Средневековые поселения Нижнего Дона. В сб.: археологические записки. Вып.4. Ростов-на-Дону. 2005. С.105-109.

5. Плетнева С.А. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура). Материалы и исследования по археологии СССР. №142. М.1967. 196 с.

6. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. 1957. М. 270 с.

7. Ларенок П.А. Вино и рыба (Несколько замечаний о нерешенных вопросах истории торговли Крыма и Северного Приазовья в эпоху Хазарского каганата). В сб.: Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1992 г. Вып.12. Азов. 1994. С.137-139.

8. Скржинская Е.Ч. Вводные очерки. В кн.: Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. 1971. Л. С.3-109.

9. Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье конец XIII-XVII в. М. «Индрик». 2007. 396 с.

10. Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII-XV вв. Тюмень. «Рутра». 1995. 225 с.

11. Волков И.В. Местные амфоры Азака. В сб.: Поволжье и сопредельные территории в средние века. Тр. ГИМ. Вып.135. М. 2002. С.55-63.

12. Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика. В сб. Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып.21. Азов. 2006. С.309-473.

13. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в., 1971. Л. с.136

14. Фёдоров-Давыдов Г.А., Фомичёв Н.М. Клад дирхемов конца XIV – первой четверти XV вв. из Рогожкино. В сб.: Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2002 году. Азов. Вып.19. Азов. 2004. С.270-278.

15. Ковалевский М.М. К ранней истории Азова. Венецианская и генуэзская колония в Тане в XIV в. В сб.: Тр. XII Археологического съезда в Харькове 1902 г. Т.II. М. 1905. С.109-169.